
К.К. Семенов

ЛИЦОМ К СОЛНЦУ: УЧАСТИЕ БЕЛОЭМИГРАНТОВ
В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ИСПАНИИ
(1936–1939)

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.

Горька и безрадостна была судьба русского беженца на чужбине. Сотни тысяч наших соотечественников, оказавшись в вынужденной эмиграции, владели жалкое существование. Лишь к единицам из них судьба была благосклонна, и им удалось неплохо устроиться в первые годы изгнания.

Русские эмигранты неравномерно рассеялись по всем странам мира. Некоторым эмигрантам пришлось сменить две-три страны, прежде чем они обрели постоянное пристанище. Наиболее массовыми очагами русской эмиграции стали Франция, Германия, Болгария и Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС; с 1929 г. — Королевство Югославия). К началу 1930-х гг. из-за различных внутривосточных проблем в Болгарии и Королевстве Югославия численность русской диаспоры в них заметно снизилась. Абсолютными лидерами по количеству русских эмигрантов стали Франция и Германия. В середине 1930 г. примерная численность русских эмигрантов во Франции составляла около 200 тыс. человек, а в Германии около 50 тыс. человек¹. В этих странах также преимущественно проживали политические и военные лидеры русского зарубежья.

Несмотря на потерю родины и, казалось бы, общее горе, различные политические течения внутри русской эмиграции так и не смогли примириться друг с другом. Поэтому всех представителей первой волны эмиграции можно было условно разделить на принимавших Февральскую революцию как положительный опыт и на отвергавших ее (вместе со всеми последствиями). Первый лагерь образовывали члены партий кадетов, эсеров, меньшевиков и представители других социалистических группировок. Второй лагерь образовали представители центристских и монархических организаций. Основу последнего лагеря составляла военная эмиграция.

В начале 1930-х гг. в жизни Европы произошел ряд важных политических событий. В первую очередь, это приход к власти в Германии Национал-социалистической немецкой рабочей партии во главе с Адольфом Гитлером. В Италии уже в 1922 г. к власти пришла Национальная фашистская партия во главе с Бенито Муссолини. Оба упомянутых лидера и, соответственно, их партии занимали жесткие антикоммунистические позиции и провозглашали непримиримую борьбу с Коминтерном.

---

¹ См.: Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1985. С. 212.

В это же время на международной арене значительно укрепились позиции СССР. Произошло признание советской власти рядом государств. Благодаря жестким репрессивным мерам, проводимым И.В. Сталиным внутри страны, произошло кажущееся примирение между большевиками и их противниками, сводившееся, впрочем, к тотальному уничтожению всех противников советского режима.

Признание СССР как государства сильно усложнило жизнь русских эмигрантов: многие были вынуждены принять гражданство приютивших их стран. Однако на рубеже 1936–1937 гг. численность эмигрантов из России, не пожелавших или не имевших возможности принять гражданство других стран, составляла около 355 тыс. человек².

Тем временем укрепление политических режимов в тоталитарных государствах и их претензии на гегемонию в Европе стали причинами обострения политической обстановки во всем мире. Уже к 1935 г. большинству здравомыслящих людей в Европе стало ясно, что мир находится на краю бездны и не хватает лишь малой искры для того, чтобы запылал пожар новой мировой войны. Знала об этом и русская эмиграция...

Тысячи русских эмигрантов с замиранием сердца следили за развитием европейских событий. Многие пытались предсказать грядущее столкновение СССР с другими государствами. Так, к примеру, А.И. Гучков незадолго до своей смерти в 1936 г. заявил: «Фактически война уже заняла на политической карте мира свое роковое место. Нет также никаких сомнений в том, что в новом неизбежном мировом конфликте основными соперниками будут Советский Союз и Германия»³.

Близость войны разделила русское зарубежье на новые враждующие лагеря. Часть эмиграции выдвинула лозунг защиты СССР от внешнего врага, рассматривая Советский Союз уже не как новое государство, а как историческую родину — Россию. Однако большая часть русской эмиграции осталась в лагере непримиримых противников советской власти и в предстоящем конфликте планировала поддержать внешнего врага, который нападет на СССР. Эмигрантская пресса присвоила сочувствующим СССР эмигрантам название «оборонцев», а противникам СССР — название «пораженцев».

Основой течения «оборонцев» стали эмигранты, придерживавшиеся преимущественно либеральных взглядов и одобрявшие Февральскую революцию. Осенью 1935 г. они организационно оформились в Союз оборонцев. Штаб-квартира новой организации располагалась в Париже. В феврале 1936 г. Союз оборонцев стал называться Российским эмигрантским оборонческим движением (РЭОД). Лидеры «оборонцев» провозгласили, что ставят «защиту своей Родины выше политических разногласий с властью»⁴. Образование оборонческого движения было замечено и советскими спецслужбами. Глава разведывательно-

---

² См.: Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. М., 1994. С. 261.

³ Цит. по: Мейснер Д.И. Миражи и действительность. М., 1966. С. 231.

⁴ Цит. по: Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война / Отв. ред. С.В. Карпенко. М., 2004. С. 14.

го управления РККА С.П. Урицкий дал интересную и достаточно верную характеристику «оборонцам»: «Это движение можно считать фактором разложения в эмигрантской среде»⁵.

Не все эмигранты, желавшие защитить СССР, оказались в рядах РЭОД. Многие воздержались от официального вступления в «оборонческую» организацию и примыкали лишь к лагерю «оборонцев». Среди них оказались и некоторые видные деятели Февральской революции. Из лидеров правых эсеров к «оборонцам» примкнули Н.Д. Авксентьев и М.В. Вишняк, а из меньшевиков — Ф.И. Дан. Украин своей персоной «оборонческий» лагерь и А.Ф. Керенский. Эмигрантские переживания привели в стан «оборонцев» даже некоторых лидеров белых армий. Наиболее значимой фигурой среди них был бывший начальник штаба Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) генерал-лейтенант П.С. Махров.

Однако бывших военнослужащих белых армий среди «оборонцев» было ничтожно мало. Почти вся русская военная эмиграция оказалась в лагере «пораженцев». Именно военной эмиграции было суждено стать хребтом «пораженческого» движения. Помимо военных в лагере «пораженцев» оказалась значительная часть эмигрантов, придерживавшихся правых и центристских взглядов.

Основная идея «пораженцев» была сформулирована еще в апреле 1926 г. на Русском зарубежном съезде: «СССР — не Россия и вообще не национальное государство, а русская территория, завоеванная антирусским Интернационалом»⁶. Окончательно движение «пораженцев» оформилось в годы Второй мировой войны и сыграло значительную роль в Русском освободительном движении.

Отдельно стоит упомянуть движение «возвращенцев». Оно начало оформляться еще в начале 1920-х гг. Отделы Союза возвращения на родину (сокращенно — Совнарод, что можно было расшифровать и как «советский народ») организовывались во всех странах, где существовала русская диаспора. Особенно сильны были отделы союза во Франции и Болгарии. Целью Совнарода было возвращение эмигрантов на родину. Уже в 1922 г. функционеры союза в Болгарии заявляли, что «путь официального возвращения на Родину открыт»⁷. Со временем союз превратился в придаток советских разведорганов и в средство политической обработки эмигрантов, что наглядно проявилось в годы Гражданской войны в Испании. Возвращение на родину эмигрантов уже не являлось целью союза, это подтверждается сведениями французского отдела организации. В течение 5 лет (1931–1936) из 1000 членов союза во Франции с помощью организации в СССР вернулось лишь три человека⁸. Вероятно, по этой причине произошло изменение в названии союза в 1937 г. — он стал называться Союзом друзей советской родины.

Центристскую нишу в русском зарубежье занимало Российское центральное объединение (РЦО), возникшее после Зарубежного съезда в 1926 г. Председателем объединения стал издатель парижской газеты «Возрождение» А.О. Гукасов.

⁵ Цит. по: *Смыслов О.С.* «Пятая колонна» Гитлера: От Кутепова до Власова. М., 2004. С. 19.

⁶ Цит. по: *Между Россией и Сталиным...* С. 12–13.

⁷ Цит. по: *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. С. 95.

⁸ См.: *Между Россией и Сталиным...* С. 16.

С годами позиция объединения сдвигалась вправо, и в 1937 г. РЦО было переименовано в Российское национальное объединение.

Таким образом, уже накануне войны в Испании внутри русской эмиграции существовали глубокие внутренние противоречия, вызванные различными политическими взглядами и вскоре ставшие предпосылками для службы русских эмигрантов в противоборствующих армиях.

17 июля 1936 г. части испанской Африканской армии начали восстание против республиканского правительства. К восстанию присоединились испанские монархисты и правые; вскоре восставших стали называть националистами. Испанские события болью отозвались в душах русских эмигрантов и всколыхнули все русское зарубежье.

Слишком многое напоминало изгнанникам российские события 19-летней давности. Как и в России, испанская трагедия началась с отречения монарха — короля Испании Альфонса XIII. Революция вдохнула новую жизнь в сепаратистские стремления внутри страны, подняли голову буржуазно-националистические движения в Каталонии и в Стране Басков. Русский доброволец армии Франсиско Франко Н.В. Шинкаренко писал в те дни: «...как все это напоминает нашу гражданскую войну. Тут, как и у нас, Великая и Неделимая, и так же, как и у нас, имеются самостийники, готовые бороться даже рядом с красными...»⁹

Испанские крестьяне и рабочие, опьяненные свободой, стали преследовать своих мнимых и явных врагов. Первыми жертвами черни стали аристократы, военные и священники. Национальное восстание только подлило масла в огонь. К примеру, в первые несколько дней после начала восстания республиканцами было убито 70 % офицеров всего военно-морского флота Испании¹⁰.

Уже в первые дни восстания в эмигрантской печати началась полемика об испанских событиях. 19 июля 1936 г. руководители РОВСа и РЦО объявили о своей поддержке восстания националистов¹¹. Правые и центристские издания также безоговорочно поддержали выступление. Даже такой осторожный в своих суждениях человек, как А.И. Деникин, пожелал успеха восставшим, но порекомендовал эмигрантам воздержаться от участия в испанских событиях.

Вскоре, по аналогии с Россией времен Гражданской войны, испанских левых стали называть красными, а восставших — белыми. С легкой руки журналистов русского зарубежья эти названия закрепились и в европейской прессе.

1 августа 1936 г. с гневной критикой в адрес восставших на страницах «Новой России» выступил А.Ф. Керенский. В своей статье «Испанские Корниловы» он провел аналогию между испанскими и русскими событиями, сравнив выступление Франко с мятежом генерала Л.Г. Корнилова. Другие эмигрантские издания левого лагеря пошли еще дальше и начали травлю испанских националистов, особенно преуспел в этом печатный орган Союза возвращения на родину.

---

⁹ Цит. по: Проблемы испанской истории / Отв. ред. С.П. Пожарская. М., 1992. С. 193.

¹⁰ См.: Дамс Х.Г. Франсиско Франко. Ростов н/Д, 1999. С. 64.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 5853. Оп. 1. Д. 61. Л. 71.

Месяцем позже на страницах белградского «Царского вестника» была опубликована эмоциональная статья А.А. Керсновского «Никаких испанцев», в которой автор гневно обличал «Общее дело» испанских правых и русских белогвардейцев, негодуя, что испанцы не прибыли в Россию на помощь белым¹². Ответь зарвавшемуся военному писателю на страницах того же издания дал герой Первой мировой войны генерал-майор М.Ф. Скородумов. В отличие от Керсновского генерал Скородумов считал, что «русский офицер должен быть рыцарем всегда и всюду и, будучи убежденным антибольшевиком, должен уничтожать большевиков в любой испанской, французской, немецкой и других территориях...»¹³.

Географическая близость Испании и Франции позволяла русским эмигрантам, обосновавшимся на французской территории, быть в гуще испанских событий. Особенно много внимания уделялось войне в 1936–1937 гг. Так, в конце сентября 1936 г. в русском клубе «Свободная мысль» в Париже состоялся доклад В.М. Волина «Что происходит в Испании?». От инициативы левых не отставали и центристы: 8 октября 1936 г. состоялся доклад С.С. Ольденбурга «Борьба в Испании» в парижском помещении РЦО. Спустя 18 дней на собрании «Новой России» Д.О. Гронским был прочтен доклад «Шесть недель гражданской войны в Мадриде». Еще одно эмигрантское собрание, посвященное Испании, состоялось 29 января 1937 г. под председательством И.А. Бунина¹⁴. На нем с сообщением «Что я видел в Испании у красных и белых» выступил известный французский писатель Жан Таро.

За событиями в Испании пристально следили не только русские эмигранты во Франции и на Балканах, но и эмигранты, проживавшие в других уголках мира. В сентябре 1936 г. с призывом поддержать восстание националистов выступили лидеры русских эмигрантских организаций Германии и Маньчжурии¹⁵.

Важна и интересна позиция Русской православной церкви за рубежом в отношении испанских событий. Подавляющее большинство священников-эмигрантов сочувствовали восстанию Франко. Жестокое преследование республиканцами испанских священнослужителей побудило русских священников стать активными сторонниками франкистов. Однако официальная позиция митрополита Евлогия была другой. По информации одного из русских добровольцев, сторонники Евлогия запретили священникам посещать Русский отряд в армии Франко. Несмотря на это, двое русских священнослужителей все же побывали в Испании и посетили русских добровольцев. Религиозность испанцев-националистов и их бескомпромиссная борьба с атеизмом дали повод одному из русских священников, побывавших в Испании, сказать следующие слова: «Испания впервые мне дала почувствовать, что это такое — «христолюбивое воинство»»¹⁶.

¹² См.: *Окориков А.В.* Русские добровольцы. М., 2004. С. 110–111.

¹³ Цит. по: Там же. С. 112.

¹⁴ См.: *Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни, 1920–1940 гг.* Франция / Под общ. ред. Л.А. Мнухина: В 8 т. Париж; М., 1997. Т. 3: 1935–1940. С. 276.

¹⁵ См.: *Свириденко Ю.П., Еришов В.Ф.* Белый террор?: Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–1945 гг. М., 2000. С. 153.

¹⁶ Цит. по: *Испанские письма о воинстве.* Берлин, 1939. С. 14.

В годы войны отношение русских эмигрантов к воюющим сторонам почти не менялось, однако встреча русских эмигрантов с республиканскими беженцами из Испании стала для первых большим разочарованием. К примеру, в феврале 1939 г. генерал-лейтенант Д.И. Ромейко-Гурко написал в письме своему бывшему однополчанину следующее: «...даже левые очень разочарованы в красных испанцах после того, что их увидели воочию; они с собой привезли массу награбленного, половину отобрали, но остальная часть осталась при них»¹⁷.

Победа Франко вызвала ликование среди его русских почитателей. Наиболее ярко это выразил «Галлиполийский вестник» в одной из статей в феврале 1939 г.: «Победил генерал Франко, победила Белая Испания, победили принципы истинной свободы, права, красоты и правды»¹⁸.

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ В ИСПАНСКИХ СОБЫТИЯХ

Наиболее сплоченной частью русской военной эмиграции были подразделения армии генерала П.Н. Врангеля. Покинув Крым в ноябре 1920 г., они были распределены по пустынным лагерям в Турции. Каждый из корпусов армии получил свой клочок земли: 1-й Армейский корпус — Галлиполи, Донской корпус — район Чатаджи, Кубанский корпус — остров Лемнос. Трудно описать, через что пришлось пройти русским воинам на берегах Дарданелл. Более полутора лет под палящим солнцем ютились десятки тысяч воинов, не смирившихся с большевизмом.

В этих тяжелейших условиях Русская армия смогла выстоять и духовно закалиться. Безусловная заслуга в сохранении Русской армии вдали от родины принадлежала командному составу армии и лично ее главнокомандующему — генералу Врангелю.

Весной — летом 1921 г. части Русской армии покинули негостеприимную турецкую землю и отправились в Европу. Благодаря помощи бывших царских дипломатов командованию армии удалось договориться с правительствами Болгарии, Чехословакии и Югославии о приеме этими странами частей Русской армии. Начался период эмиграции.

Экономические и политические трудности способствовали разобщению армейских частей, но командование прикладывало все свои силы для сохранения связи со всеми бывшими чинами армии. Началась работа по реформированию кадров различных воинских частей в различные союзы и общества.

1 сентября 1924 г. генерал Врангель собрал высших чинов Русской армии в городке Сремски-Карловцы. На этом собрании Врангель огласил проект приказа о создании Русского общевоинского союза (РОВС), образуемого с целью консолидации всех бывших военнослужащих императорской и белых армий. Большин-

---

¹⁷ Цит. по: *Иоффе Э.* Линии Маннергейма: Письма и документы. Тайны и открытия. СПб., 2005. С. 252.

¹⁸ Цит. по: *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское Зарубежье в XX–XXI веках. Архангельск, 2006. С. 402.

ство собравшихся генералов поддержали главнокомандующего, и его проект стал приказом № 35. В этот же день было принято временное положение о РОВСе, в первом параграфе которого значилось, что союз образуется с целью «объединить русских воинов, рассредоточенных в разных странах, укрепить духовную связь между ними и сохранить их как носителей лучших традиций и заветов русской Императорской Армии»¹⁹.

РОВС состоял из пяти территориальных отделов. В состав I отдела входили союзы и общества, располагавшиеся в Бельгии, Великобритании, Дании, Италии, Чехословакии, Финляндии и Франции. В состав II отдела — организации, располагавшиеся в Венгрии и Германии. В состав III отдела — расположенные в свободном городе Данциге, Латвии, Литве, Польше и Эстонии. IV отдел был создан для организаций, располагавшихся в Королевстве СХС и Греции. В состав V отдела входили организации, расположенные в Болгарии и Турции. В дальнейшем во внутренней организации РОВСа произошли многочисленные изменения.

Для придания РОВСу большего веса в среде эмиграции генерал Врангель обратился к великому князю Николаю Николаевичу с просьбой принять пост почетного председателя РОВСа. Затем начались переговоры с великим князем о финансировании РОВСа и усилении антисоветской работы. К сожалению, в окружении Николая Николаевича и генерала Врангеля нашлись интриганы, противостоящие консолидации русских национальных сил.

На начальном этапе существования Врангелю удавалось финансировать деятельность союза и его руководства. После передачи всех финансовых средств организации Николаю Николаевичу РОВС начал испытывать дефицит денежных средств. Правда, в то время начался всемирный финансовый кризис, и поэтому списывать денежные трудности РОВСа на неумелое руководство не приходится. 12 января 1926 г. генерал Врангель был информирован о прекращении сметных ассигнований, выделяемых великим князем на РОВС²⁰. Несмотря на кажущийся финансовый крах, РОВС продолжал функционировать, постоянно сокращая свои и без того скудные расходы.

После смерти генерала Врангеля в апреле 1928 г. новым руководителем РОВСа стал один из героев Гражданской войны и руководитель антисоветской работы (Кутеповской организации) при великом князе — Александр Павлович Кутепов. Генерал Кутепов с новой силой взялся за консолидацию русского военного зарубежья в рядах РОВСа. К членству были привлечены бывшие военнослужащие флота и казачьих войск. Заметно расширилась география союза, количество членов возросло до 50–60 тыс. человек²¹.

Примерно в это же время в недрах III отдела зародилась тайная контрразведывательная организация «Долг родине». Со временем эта организация стала известна как «Внутренняя линия». Свое влияние организация распространила на все европейские отделы РОВСа, но особенно сильны были ее позиции в Болгарии

¹⁹ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 15. Л. 89.

²⁰ См.: *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине... С. 101.

²¹ См.: ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 15. Л. 6 об.

и во Франции. Имея тесную связь с Кутеповской организацией, «Внутренняя линия» приобрела еще больше влияния после назначения Кутепова главой РОВСа.

Важным аспектом деятельности РОВСа была его антисоветская работа, которая особенно активизировалась при генерале Кутеполе. Он активно содействовал всевозможным антисоветским акциям, в том числе и откровенно террористическим. Боевики Кутепова много раз проникали в СССР из Финляндии с целью проведения диверсий. В СССР громкие антисоветские акции белоэмигрантов периода 1927–1928 гг. связывали непосредственно с генералом Кутеповым. Активная антисоветская позиция Кутепова и его безусловное лидерство в военной эмиграции после смерти Врангеля и великого князя Николая Николаевича стали главными причинами его физического уничтожения.

Генерал Кутепов был похищен советскими агентами 26 января 1930 г. в Париже с помощью генерал-майора Павла Павловича Дьяконова. Он сумел выманить главу РОВСа на тайную встречу якобы с одним из иностранных спонсоров. Генерал Кутепов был усыплен советскими агентами, и они стали готовить его к тайной отправке в СССР, однако сердце генерала не выдержало, и он умер на руках своих похитителей.

Преступная роль Дьяконова в этой истории была очевидна: сразу после похищения Кутепова парижская газета «Возрождение» вышла с прямыми обвинениями в адрес Дьяконова, кроме того, в статье он был назван «чекистским агентом»²². Дьяконов обратился во французский суд с иском о защите своего достоинства и даже сумел его выиграть. Но его имя было полностью скомпрометировано, и ему пришлось сложить с себя обязанности начальника парижского округа Корпуса Императорской армии и флота (КИАФ)²³.

29 января 1930 г. на встрече общественных и военных деятелей эмиграции в Париже новым руководителем РОВСа был избран бывший главнокомандующий белым Северным фронтом генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер. Генерал Миллер продолжил работу своих предшественников по реорганизации РОВСа. В апреле 1930 г. для персонального учета чинов союза были введены личные учетные карточки и книги учета личного состава²⁴. Месяцем ранее в Брюсселе для работы с эмигрантской молодежью была образована Военно-учебная группа русской дворянской молодежи, позже переформированная в Русскую стрелковую генерала Врангеля дружину. Также был урегулирован вопрос уплаты членских взносов чинами союза. 30 мая 1930 г. в ходе очередной реструктуризации РОВСа в рядах его I отдела был организован испанский подотдел²⁵.

Его предыстория такова. Еще задолго до начала Гражданской войны в Испании русские эмигранты вступили в контакт с испанскими военными. Так, по данным зарубежных историков, уже в 1924 г. главнокомандующий Русской армией

---

²² См.: Прянишников Б.В. Незримая паутина. М., 2004. С. 13.

²³ См.: Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. 1917–1941: Воспоминания. СПб., 2004. С. 225.

²⁴ См.: Голдин В.И. Солдаты на чужбине... С. 181.

²⁵ См.: Там же. С. 180.

генерал Врангель обратился к генералу Мигелю Примо де Ривере с предложением принять в испанские вооруженные силы 100 тыс. русских эмигрантов для службы в Марокко²⁶. Однако эти данные опровергаются документом РОВСа, оценивающим численность находившихся в распоряжении Врангеля чинов всего лишь в 40 тыс. человек²⁷. Возможно, испанцы отождествляют Врангеля с генералом Туркулом, который действительно в 1925 г. вступил в переговоры с испанцами о принятии чинов Дроздовского полка в состав Испанского иностранного легиона²⁸. Переговоры были приостановлены после вмешательства генерала Врангеля.

Тем не менее первые русские эмигранты появились в Испанском иностранном легионе уже в 1922 г. Первыми в него вступили офицеры-летчики, затем появились представители других родов войск. К началу Национального восстания количество русских заметно увеличилось, что стало основанием для появления в русской харбинской газете «Наш путь» статьи с заголовком «Испанское восстание подняли русские эмигранты, чины иностранного легиона». Автор статьи брал интервью у испанского профессора Е. Афенисио, находившегося в Харбине. По словам профессора, русские в легионе составляли на тот момент самый большой процент иностранцев в легионе, а в Мелилье и Сеуте стояли части иностранного легиона, «исключительно состоящие из русских эмигрантов»²⁹. Конечно, последнее утверждение является явным преувеличением, но все же количество русских в иностранном легионе было заметным. Косвенно это подтверждает и советский журналист М.Е. Кольцов: «Хорошо известно, что у Франко служит, среди прочего сброда, много наемников из русских белогвардейцев»³⁰. Другой участник испанских событий, А.А. Трингам, в своих воспоминаниях отмечал, что в легионе было немало русских добровольцев, но о них имелись довольно скудные сведения³¹.

Вернемся теперь к назначению генерала Миллера. В эмиграции генерал Миллер был одним из ближайших сотрудников генерала Врангеля, и его назначение на пост руководителя РОВСа было закономерным. Однако в отличие от предыдущих руководителей союза Евгений Карлович был мало известен основной массе чинов РОВСа (в годы Гражданской войны он сражался с большевиками на Северном фронте, а большая часть чинов РОВСа — на юге России). Генерал Миллер был хорошим командиром, неплохим организатором, но имел очень мягкий характер. Для упрочения своего положения и ознакомления с членами союза генерал Миллер во второй половине 1930 г. совершил ряд инспекционных поездок по отделам союза. Генерал Миллер предпринял попытку повысить уровень подготовки офицеров РОВСа. С этой целью в конце 1930 г. с одобрения Миллера началась широкомасштабная работа по организации различных курсов повышения квалификации офицеров в Париже и Белграде. В сентябре

²⁶ См.: *Mesa de J.L. Los otros internacionales*. Madrid, 1998. S. 80.

²⁷ См.: ГА РФ. Ф. 6826. Оп. 1. Д. 25. Л. 170.

²⁸ См.: *Голдин В.И. Солдаты на чужбине...* С. 117.

²⁹ Цит. по: *Комин В.В. Белая эмиграция и Вторая мировая война: Автореф. дис. ... канд. ист. наук*. Калинин, 1979. С. 20.

³⁰ *Кольцов М.Е. Испанский дневник*. М., 1957. С. 576–577.

³¹ См.: Центральный музей Вооруженных сил (далее — ЦМВС). ДФ. 4/47. 762/1. Л. 2.

1931 г. были открыты и унтер-офицерские курсы при отделении Общества галлиполийцев в Варне³².

В самом начале 1932 г. судьба нанесла очередной удар по финансовому положению организации. Незадолго до этого генерал Миллер вложил значительную часть капитала РОВСа в шведскую спичечную компанию Ивара Крегера, надеясь на обещанную шведами прибыль. В марте 1932 г. компания Крегера разорилась, а он сам покончил жизнь самоубийством. Возможно, помещение капитала РОВСа в шведскую компанию и последовавший вслед за этим финансовый крах компании были осуществлены при непосредственном участии агентов советского ГПУ. Совокупные потери РОВСа в результате этой сделки составили 7 млн. франков³³.

Но это были еще не все потрясения, выпавшие на долю РОВСа в 1932 г. В течение 1932 г. отделы союза были потрясены несколькими скандалами. Ряд известных генералов из руководства союза были сняты со своих постов и исключены из РОВСа. Причинами для этого стали критика в адрес непосредственного руководства и активное участие в политической жизни. В ноябре 1932 г. на совещании руководства союза по итогам года шесть старших начальников союза выступили с острой критикой методов антисоветской работы, проводимой союзом.

Несмотря на трудности, РОВС продолжал свою деятельность. Организовывались и новые подотделы. В октябре 1932 г. был образован марокканский подотдел I отдела союза. В состав подотдела вошли все русские воинские организации, располагавшиеся в Марокко (как в испанской, так и во французской частях протектората). Начальником подотдела был назначен генерал-лейтенант князь Александр Николаевич Долгоруков. При подотделе в 1937 г. были открыты военно-научные курсы. К 1938 г. в составе подотдела насчитывалось около 100 человек³⁴.

В 1933 г. обстановка в РОВСе стала еще более взрывоопасной. Наметился разрыв между начальником I отдела союза генерал-лейтенантом Павлом Николаевичем Шатиловым и генералом Миллером. Причиной для этого стало близкое сотрудничество Шатилова с «Внутренней линией» и сбор компромата последней на всех руководителей РОВСа. Кроме того, многие подозревали генерала Шатилова в желании лично занять пост руководителя союза. Сам генерал Шатилов считал, что руководство союза состарилось и его новаторским идеям противостоит ряд консервативных генералов: «Во многом виноват возрастной состав участников центрального аппарата»³⁵.

6 июня 1934 г. генерал Миллер в приказе по РОВСу объявил о своем уходе в трехмесячный отпуск. На время отсутствия руководителя союза его полномочия передавались начальнику III отдела генерал-лейтенанту Федору Федоровичу Абрамову. Однако 15 июня 1934 г. французские власти потребовали от генералов Абрамова и Шатилова немедленно покинуть территорию Франции; в случае отказа им пригрозили высылкой. Решение французских властей было принято под

---

³² См.: Огороков А.В. Русская эмиграция: Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. М., 2003. С. 25.

³³ См.: Голдин В.И. Солдаты на чужбине... С. 212.

³⁴ См.: Огороков А.В. Русская эмиграция... С. 117.

³⁵ Цит. по: Голдин В.И. Солдаты на чужбине... С. 241.

давлением советского посла, всерьез опасавшегося усиления антисоветской деятельности РОВСа при Абрамове.

Устав от нападков в прессе, 27 июня 1934 г. Шатилов подал ходатайство об освобождении его от должности начальника I отдела. Через два дня приказом по РОВСу генерал Шатилов был освобожден от занимаемой должности, а на его место был назначен генерал от кавалерии Иван Георгиевич Эрдели. Тем временем в эмигрантской среде начали распространяться слухи о глубоких противоречиях, царящих в руководстве РОВСа. Эмигрантские газеты пестрели заголовками «В Русском Обще-воинском Союзе», «Кризис в Общевоинском Союзе». Масла в огонь подлили и публикации в близком к РОВСу «Часовом». Начальник канцелярии РОВСа генерал-лейтенант Павел Алексеевич Кусонский видел причины для газетных публикаций в слабости главы РОВСа, в отсутствии у него заместителя, в персоне Шатилова и в претензиях вице-адмирала М.А. Кедрова на руководство РОВСом³⁶.

Советские спецслужбы в это время не сидели сложа руки. 1 июля 1934 г. ими был организован налет на квартиру председателя союза в Париже. Выманив дежурного офицера из квартиры, неизвестные взломали дверь и вынесли письма и документы. Спустя несколько месяцев, 30 сентября 1934 г., в здании управления РОВСа был организован взрыв бомбы.

Тем временем внутренняя борьба в руководстве РОВСа продолжалась. Генерал Шатилов начал интриговать против руководства союза, а некоторые генералы из окружения генерала Миллера стали вести работу по замене доверенных лиц Шатилова на ответственных постах в I отделе РОВСа. Кроме того, пристальное внимание стало уделяться работе во Франции «Внутренней линии». Многие из недоброжелателей Шатилова напрямую связывали деятельность «Внутренней линии» с именем генерала. Назначенный вместо Шатилова Эрдели не смог наладить контакт с «Внутренней линией» и обратился к генералу Миллеру с предложением о прекращении работы этой организации. Однако Миллер отказал Эрдели. Для осуществления контроля за «Внутренней линией» в качестве докладчика был привлечен генерал-майор Николай Владимирович Скоблин. Парадокс этой ситуации заключался в том, что уже с 1930 г. этот генерал и его супруга — известная эмигрантская певица Надежда Васильевна Плевицкая — были агентами советских спецслужб. Таким образом, вся тайная антисоветская работа РОВСа становилась известна ГПУ³⁷.

23 февраля 1935 г. к генералу Миллеру явилась делегация из 14 генералов и старших офицеров, занимавших ключевые посты в организациях 1-го Армейского корпуса. Среди прибывших были командир корпуса генерал-лейтенант Владимир Константинович Витковский, командир Корниловского полка генерал-майор Н.В. Скоблин, командир Марковского полка генерал-майор Михаил Алексеевич Пешня, командир Дроздовского полка генерал-майор Антон Васильевич

³⁶ См.: ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 55. Л. 35 об.

³⁷ В настоящий момент существует и альтернативная версия истории с Н.В. Скоблиным, см.: Гаспарян А.С. ОГПУ против РОВС: Тайная война в Париже. 1924–1939 гг. М., 2008.

Туркул, командир артиллерийской бригады 1-го Армейского корпуса генерал-майор Анатолий Владимирович Фок, командир железнодорожной роты капитан Василий Васильевич Орехов и др. Прибывшие подали генералу Миллеру записку «с пожеланиями, граничащими с требованиями», а также высказали обеспокоенность возможным уходом генерала Миллера и заменой его генералом Деникиным³⁸.

Результатом этого демарша, получившего название «дворцового переворота», стало образование особой комиссии из актива 1-го Армейского корпуса для рассмотрения предложенных реформ³⁹. Основными причинами, спровоцировавшими выступление реформаторов, были: отсутствие сведений о финансовом положении РОВСа, отсутствие видимой работы против коммунистов, резкое понижение сборов в Фонд спасения родины, пассивность руководства союза при расследовании исчезновения генерала Кутепова⁴⁰. Наиболее заметную роль в выступлении реформаторов играли генералы Скоблин, Туркул и Фок.

Деятельность комиссии генерал Миллер называл болтовней. Несмотря на грандиозные планы реформаторов, в структуре РОВСа не произошло существенных изменений. Не произошло и громких отставок, лишь генерал Эрдели был освобожден от должности начальника I отдела, а его обязанности стал исполнять сам генерал Миллер.

Начался 1936 год. Он не принес успокоения в ряды РОВСа. Противоречия, существовавшие в организации до этого, решены не были, и потому вскоре в союзе грянул новый кризис. Весной 1936 г. генерал Туркул заявил об образовании новой организации — Русского национального союза участников войны (РНСУВ). Основной туркуловской организации стали кадры объединения Дроздовского стрелкового полка. Изначально Туркул планировал, что новая организация станет частью РОВСа, но генерал Миллер выступил против этого⁴¹. Свою позицию Миллер мотивировал приказом главнокомандующего Русской армией № 82 от 8 сентября 1923 г. о недопущении членства чинов армии в политических организациях. Этот приказ был подписан генералом Врангелем с целью ликвидации политических раздоров в союзе. Но именно отсутствие твердой политической платформы и обусловило образование РНСУВ.

Лидеры РНСУВ считали, что необходимо «не только отрицать коммунизм, но и, главное, утверждать свое», т. е. активно бороться с коммунизмом⁴². Устав новой организации был принят в день начала Национального восстания в Испании — 17 июля 1936 г. — в Париже. В конце июля 1936 г. состоялась встреча Миллера и Туркула, на которой были обсуждены возможные пути выхода из сложившейся ситуации. Однако компромисса достичь не удалось, и 27 июля 1936 г. генерал Туркул вышел из РОВСа. Выход Туркула из союза поддержали А.В. Фок, В.В. Орехов и большинство дроздовцев, проживавших во Франции.

---

³⁸ См.: *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине... С. 268.

³⁹ См.: ГА РФ. Ф. 9116. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

⁴⁰ См.: *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине... С. 270.

⁴¹ См.: *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. М., 1994. С. 258.

⁴² Там же. С. 259.

Национальное восстание в Испании всколыхнуло русскую военную эмиграцию. Почти сразу руководство РНСУВ выступило с призывом организовать Русский добровольческий отряд в армии Франко⁴³. Однако чуть позже Туркул несколько изменил свое мнение. В одном из интервью он заявил: «Мы приветствуем добровольцев, борющихся в армии Франко, но ни один член Союза не имеет права выезжать туда без моего ведома и разрешения»⁴⁴. Вскоре о своем отношении к испанской войне высказался и руководитель РОВСа генерал Миллер. В своем циркулярном отношении № 680 от 15 августа 1936 г. Миллер заявил, что рассматривает войну в Испании «как борьбу с интернациональным коммунизмом во имя спасения мировой многовековой культуры и всех нравственных основ, на которых держится современный Христианский мир; от исхода ее зависит усиление или ослабление коммунизма во всем мире и приближение или отдаление сроков освобождения и нашей Родины»⁴⁵.

После начала восстания в Испанию стали прибывать иностранные добровольцы из разных европейских стран. И если об интернациональных бригадах в армии республиканцев известно давно, то об иностранных добровольцах в армии националистов даже на Западе знают далеко не все. В годы войны в армии Франко служили представители всех европейских стран. Их основная масса была сосредоточена как раз в рядах Иностранного легиона. Наиболее значительные контингенты прибыли в армию националистов из Ирландии и Франции. В легионе 670 ирландцев вошли в XV бандеру (батальон) легиона, а сотня французов стала ротой «Жанна Д'Арк» в XVII бандере. Некоторое время все эмигранты-добровольцы зачислялись в состав французской роты как знавшие французский язык. Русские добровольцы были очень расстроены таким решением испанцев, так как считали всех французов республиканцами. Именно нежеланием служить во французской роте можно объяснить присутствие русских эмигрантов во всех бандерах Иностранного легиона. По самым приблизительным подсчетам, более 30 эмигрантов вступили в ряды легиона после начала восстания.

Одними из первых в рядах Иностранного легиона оказались граф Г.П. Ламсдорф и барон Б.С. Люденсгаузен-Вольф. Молодым аристократам удалось перейти границу лишь со второй попытки. Испанцы, узнав, что молодые люди — русские, сразу же их арестовали со словами: «Двое русских здесь? Без сомнений — они коммунисты»⁴⁶. С большим трудом эмигрантам удалось убедить испанцев, что не все русские — коммунисты. Затем добровольцы добрались до Сарагосы и вступили в формировавшуюся там бандеру Санхуро (позже — XV бандера Иностранного легиона).

Территориальная близость Испании и Франции дала повод руководству РОВСа надеяться на массовое участие русских эмигрантов в испанских событиях, так как во Франции располагался самый многочисленный I отдел союза. Генерал Миллер

⁴³ См.: Свириденко Ю.П., Ершов В.Ф. Белый террор? ... С. 154.

⁴⁴ Цит. по: Гаспарян А.С. ОГПУ против РОВС... С. 164.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 9116. Оп. 1. Д. 6. Л. 69.

⁴⁶ См.: Against Stalin and Stalinism, Count Grigori von Lamsdorff, 1936–1945 // Axis Europa. 1998. Issue 14. P. 10.

неоднократно проводил общие собрания начальников частей 1-го Армейского корпуса с целью организации русского подразделения в армии Франко.

Руководство РОВСа планировало организовать Русский добровольческий отряд с русским командованием, однако после установления связи с представителями генерала Франко в начале осени 1936 г. выяснилось, что это предприятие трудноосуществимо. Тем не менее 24 ноября 1936 г. генерал Миллер лично обратился к одному из ближайших помощников Франко — генералу Давиле. В своем письме Миллер сообщал испанцам о людских ресурсах, находившихся в распоряжении РОВСа. По словам Миллера, союз располагал 6 тыс. человек во Франции, 4 тыс. человек в Югославии, 3 тыс. человек в Болгарии, 3 тыс. в Маньчжурii, 2 тыс. в Китае, 1 тыс. в Германии и 2 тыс. человек в других странах⁴⁷. Генерал Давила передал письмо Миллера Франко.

Однако переписка не приносила желаемых результатов. Поэтому в конце ноября 1936 г. один из активистов союза подполковник Сергей Николаевич Благовещенский, работавший директором парижской страховой компании, вступил в непосредственный контакт с секретарем посольства Франко в Италии — Феррари Форнсом. Дипломат сообщил в штаб Франко о желании русских белогвардейцев принять участие в борьбе с левыми. Вскоре из Испании пришел ответ: в штабе Франко ждали представителей РОВСа.

8 декабря 1936 г. Франко направил телеграмму командиру легиона полковнику Хуану Ягуэ. В ней он официально разрешал принимать белых русских в состав легиона при наличии у них рекомендательных писем от РОВСа. В конце декабря 1936 г. на переговорах между представителями Франко и РОВСа была достигнута договоренность о создании в составе легиона полностью русского подразделения — бандеры «Святой Георгий» при наличии требуемого количества русских в рядах легиона. Однако из-за потерь и переводов в другие части русского отряда в легионе создано не было, несмотря на проводимую РОВСом работу в этом направлении. Не способствовала этому и личная беседа генерал-майора Николая Всеволодовича Шинкаренко, служившего в легионе в звании лейтенанта, с командиром легиона полковником Ягуэ. Однако это не помешало лейтенанту легиона Шинкаренко участвовать в составе IX бандеры в боях за предместья Мадрида. Вскоре он был в очередной раз ранен.

Тем временем Форнс начал подготавливать визы для представителей союза. Документы были оформлены на Н.В. Скоблина, С.Н. Благовещенского и на капитана Петра Пантелеймоновича Савина, бывшего членом «Внутренней линии» и одним из ближайших сотрудников Скоблина. Вскоре, однако, выяснилось, что генерал Скоблин отказывается ехать в Испанию. Он сослался на болезнь своей жены и предложил вместо себя кандидатуру генерала Шатилова⁴⁸.

Для генерала Шатилова участие в этой поездке было как нельзя кстати: с ее помощью он мог вернуться к активной деятельности в РОВСе. Согласовав с испанцами изменения в составе делегации, эмигранты стали собираться в путь. 26 де-

---

⁴⁷ См.: *Mesa de J.L. Los otros internacionales*. S. 80.

⁴⁸ См.: *Прянишников Б.В. Незримая паутина*. С. 405.

кабря 1936 г. делегация РОВСа отправилась в Ниццу, а затем в Рим. После непродолжительного отдыха в Риме делегация вылетела самолетом в Саламанку, где в то время находилась штаб-квартира Франко. Основными вопросами, стоящими перед делегацией, были определение маршрутов для отправки добровольцев и принятие испанской стороной на себя путевых расходов добровольцев. В Саламанке эмигранты имели продолжительный разговор с кем-то из штабных офицеров Франко. На ряд вопросов были получены положительные ответы.

По возвращении делегации из Испании генерал Шатилов представил генералу Миллеру письменный отчет о поездке. Затем было собрано общее собрание всех групп 1-го Армейского корпуса, на котором выступил генерал Шатилов. Генерал рассказал о возможных перспективах участия русских эмигрантов в войне на стороне Франко. Было также объявлено о возможном создании в составе Испанского иностранного легиона полностью русского подразделения с русским же командованием в случае накопления достаточного количества добровольцев⁴⁹.

После выступления Шатилова генералы Скоблин и Пешня предоставили своих подчиненных (корниловцев и марковцев соответственно) для формирования Русского отряда. Была проведена предварительная запись добровольцев. Из Корниловского полка добровольцами записалось 53 человека⁵⁰. На основании доклада Шатилова был подготовлен приказ по РОВСу № 40 от 4 февраля 1937 г., разосланный всем начальникам отделов и подотделов союза. Руководством союза было решено отправлять добровольцев в Испанию группами до 10 человек. Организация и комплектование групп происходили в Париже, в помещении Союза галлиполийцев. Из Парижа группы отправлялись поездом в Биарриц, а затем в Сен-Жан-де-Луц. Местом назначения на испанской территории был городок Ирун.

Непременным условием для отправки добровольцев из Франции было наличие нансеновского паспорта (эти паспорта начали выдаваться Лигой Наций после признания европейскими странами советского государства, были введены по инициативе комиссара Лиги Наций по делам беженцев Ф. Нансена и потому получили такое название). Паспорт Нансена стал для русских эмигрантов удостоверением личности владельца, подтверждающим их статус лиц без гражданства⁵¹. Кроме того, добровольцу требовался сертификат, подписанный генералом Миллером. Нансеновский паспорт требовался для оформления виз, а сертификат, выдаваемый руководителем РОВСа по рекомендации начальника отдела РОВСа или председателя организации, входящей в РОВС, был свидетельством благонадежности⁵².

К сожалению, замена Скоблина Шатиловым не принесла пользы. Участвуя в переброске добровольцев в Испанию, генерал Шатилов планировал нажиться на дорожных расходах добровольцев. Генерал Миллер понял это уже по возвращении Шатилова из Испании, когда последний представил намного завышенный

⁴⁹ См.: ГА РФ. Ф. 9116. Оп. 1. Д. 6. Л. 69 об.

⁵⁰ См.: *Яремчук А.П.* Русские добровольцы в Испании. Сан-Франциско, 1983. С. 2.

⁵¹ См.: *Раев М.* Россия за рубежом... С. 53.

⁵² См.: ГА РФ. Ф. 9116. Оп. 1. Д. 6. Л. 74.

счет на дорожные расходы. Но это все был детский лепет по сравнению с той суммой, которую запросил Шатилов с испанцев за переброску 1 тыс. русских добровольцев в армию Франко. По испанским сведениям, эта сумма составляла 290 750 французских франков⁵³.

В начале марта 1937 г. в Испанию отправилась первая организованная группа русских добровольцев из Франции (9 человек, преимущественно марковцы-артиллеристы), в середине марта — вторая⁵⁴. Затем в марте — апреле 1937 г. в Испанию прибыли еще две группы русских добровольцев. Тем временем в официозе русской военной эмиграции — журнале «Часовой» стали появляться статьи, написанные русскими добровольцами в армии Франко — генерал-майором Николаем Всеволодовичем Шинкаренко (литературный псевдоним — Белогорский) и полковником Николаем Николаевичем Болтиным (литературный псевдоним — Гренадер).

Французское правительство, уже в январе 1937 г. предлагавшее запретить отправку иностранных добровольцев в Испанию, пристально следило за своей границей. Особую тревогу правительства вызывали добровольцы, отправлявшиеся в армию националистов, из числа французских праворадикальных организаций. Им, в отличие от добровольцев-республиканцев, чинили всевозможные препятствия.

Сложившаяся на границе ситуация беспокоила руководство РОВСа уже в феврале 1937 г.⁵⁵ Однако после публикации писем русских добровольцев в «Часовом» французы ужесточили пограничный контроль, в результате чего 16 апреля 1937 г. в Сен-Жан-де-Луц арестовали пятую группу добровольцев союза во главе с капитаном-корниловцем А. Максимовичем⁵⁶. Арестованные были позже отправлены в тюрьму города Байонна. С этого момента организованный переход русских групп из Франции был прекращен. Таким образом, к 16 апреля 1937 г. в Испанию в составе организованных групп РОВСа смогло пробраться около 34 человек из I отдела союза.

При этом необходимо заметить, что генерал Шинкаренко связывал закрытие испано-французской границы с другой причиной — с действиями генерала Туркула. Шинкаренко считал, что А.В. Туркул был платным осведомителем Второго бюро французского Генерального штаба (военная разведка) и, когда началось восстание в Испании, якобы захотел сформировать и возглавить подразделение из чинов дроздовских частей, получив взамен от испанцев звание генерала испанской армии и соответствующие материальные блага. Этой затее не суждено было сбыться, и Туркул отказался от участия в испанских событиях. При этом он доложил о переходе границы эмигрантами французам, и те закрыли границу. Выдвинув довольно серьезные обвинения против своего товарища по Белой ар-

---

⁵³ См.: Mesa de J.L. Los otros internacionales. S. 81. О непомерных требованиях Шатилова сообщает в своих воспоминаниях и Н.В. Шинкаренко, узнавший об этом от испанского штабного офицера.

⁵⁴ См.: Яремчук А.П. Русские добровольцы в Испании. С. 3.

⁵⁵ См.: ГА РФ. Ф. 9116. Оп. 1. Д. 6. Л. 71.

⁵⁶ См.: Яремчук А.П. Русские добровольцы в Испании. С. 18.

мии, Шинкаренко оговаривается: «...я не имею возможности доказать, что это было именно по его доносу, но внутреннее ощущение говорит мне, что это правда»⁵⁷.

Другие отделы Русского общевоинского союза тоже не остались в стороне от испанских событий. В Германии (II отдел РОВСа) в октябре 1936 г. были образованы два русских добровольческих отряда для отправки в Испанию, чины этих отрядов беспрепятственно перешли франко-испанскую границу⁵⁸. Командирами отрядов были хорунжий Панасенко и бывший главный редактор софийской газеты «Русское дело» Г.А. Кочубей⁵⁹. На территории III отдела РОВСа была произведена запись добровольцев для отправки в Испанию, но из-за большой дороговизны билетов из Болгарии в Испанию никто так и не отправился. Чины гвардейского казачьего дивизиона, находившиеся в Королевстве Югославия (IV отдел РОВСа), обратились в штаб Франко с предложением принять дивизион на службу в национальную армию, но при этом поставили вопрос о денежном обеспечении для семейств убитых и раненых. Испанцам не удалось договориться с казаками, и тем пришлось ждать еще долгих 15 лет, чтобы затем уже безо всяких условий подняться на борьбу с большевизмом.

После установления жесткого контроля на франко-испанской границе чины РОВСа пробирались в Испанию в индивидуальном порядке. Руководство союза продолжало следить за развитием испанских событий. Опыт испанской войны тщательно обобщался теоретиками союза и затем рассматривался на общих собраниях и лекциях. Так, в мае и октябре 1937 г. в помещении Союза галлиполийцев состоялись лекции профессора полковника Арсения Александровича Зайцова «Прообразы боев будущего: Мадрид и Бильбао» и «Опыт войны в Испании»⁶⁰. Кроме того, на полковых собраниях Марковского и Корниловского полков зачитывались письма добровольцев-однополчан из Испании.

В конце апреля 1937 г. генерал Миллер инспирировал замену генерала Шатилова, требовавшего платы за свою работу с испанцами, на генерала Пешню. По поручению Миллера капитан Савин встретился с Пешней и обговорил дальнейший порядок переброски добровольцев в Испанию. Однако вскоре после этого генерал Пешня сильно занедужил и в декабре 1937 г. скончался. Смерть Пешни еще более осложнила процесс отправки русских добровольцев в армию Франко. Тем временем Шатилов, несмотря на свою замену, продолжал заниматься испанскими делами, вероятно надеясь заслужить этим место начальника I отдела союза.

Плел свои интриги и Скоблин. Уже в феврале 1937 г. в его отношениях с генералом Миллером возникла некоторая отчужденность, вызванная, по мнению генерала Кусонского, нежеланием Миллера продвигать Скоблина в руководство союзом⁶¹. Вероятно, уже в то время у главы союза зародились подозрения о связи Скоблина с советчиками. В то же время в дебрях советских спецслужб родился

⁵⁷ ЦМВС. ДФ. Д. 4/47 300/3. Л. 222.

⁵⁸ См.: Рыбалкин Ю.Е. Операция «X»: Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000. С. 18.

⁵⁹ См.: ГА РФ. Ф. 7460. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁶⁰ См.: Русское Зарубежье... Т. 3: 1935–1940. С. 327, 363.

⁶¹ См.: Прянишников Б.В. Незримая паутина. С. 410.

план выдвижения в руководство РОВСа генерала Скоблина. Для его продвижения было решено устроить похищение генерала Миллера. Место его преемника занял бы генерал Абрамов, чей возраст и удаленность от Парижа давали бы предателю шанс выдвинуться.

Между тем в Испании все же было образовано русское подразделение. Но свершилось это не в Иностранном легионе, а в рядах карлистского рекете (монархического ополчения). Первые русские добровольцы появились в частях рекете уже к осени 1936 г. Несколько русских оказалось в составе каталонского терсио (испанский аналог пехотного полка) Нуэстра Сеньора де Монтсеррат, наваррского Зумалакарреги (Томас де Зумалакарреги — один из лидеров Первой карлистской войны 1833–1840 гг.) и арагонского Дона Мария де Молина. В рядах последнего терсио и был сформирован Русский отряд. Поэтому более подробно остановимся на его истории.

Терсио Дона Мария де Молина было образовано путем слияния двух независимых подразделений. Терсио Марко Белло было названо в честь одного из лидеров Третьей карлистской войны (1873–1876) дона Мануэля Марко и Родриго, родившегося в живописном арагонском поселке Белло. Командиром этого терсио был капитан Панталеон Лопес Линарес. Другое терсио — Дона Мария де Молина — было названо в честь королевы Кастилии и Леона (1265–1321); это терсио было сформировано в Сарагосе, но затем 8 августа 1936 г. было переведено в городок Молина-де-Арагон. Командиром этого терсио был капитан Антионио Фернандес Кортес. В конце 1936 г. из-за своей малочисленности оба терсио были объединены под названием Дона Мария де Молина. К середине 1937 г. русские эмигранты стали прибывать в это терсио из других частей. Так, из Иностранного легиона перевелись ротмистр Георгий Михайлович Зелим-бек и штабс-ротмистр Сергей Константинович Гурский, а из терсио Зумалакарреги — штабс-капитан Николай Евгеньевич Кривошея. В качестве национального отличия русские добровольцы нашили на левый рукав своей формы бело-сине-красный шеврон (такой же шеврон они носили в годы Гражданской войны в России).

Русские добровольцы рекете наравне с испанцами участвовали в различных боях, несли караульную службу. К 19 мая 1937 г. в рядах терсио Дона Мария де Молина находилось 16 русских добровольцев⁶². В июле терсио было расположено в селе Брончалес, в течение этого месяца добровольцы принимали участие в боях у сел Ориуэлла-дель-Трамедаль и Фриос. 18 августа 1937 г. добровольцев посетил русский священник о. Иоанн Шаховской. Он провел торжественное богослужение, на котором присутствовали и испанские гости. Неподалеку от алтаря развевались национальные флаги Испании и России. Спустя несколько дней терсио Дона Мария де Молина и его русские добровольцы вписали свое имя в историю гражданской войны в Испании в ходе сражения за арагонский поселок Кинто-де-Эбро. В эти дни 5 республиканских дивизий (всего около 9 тыс. человек) при поддержке артиллерии, броневтомобилей и авиации из состава Каталонской (Восточной) армии предприняли попытку захватить Сарагосу и тем самым

---

⁶² См.: Яремчук А.П. Русские добровольцы в Испании. С. 26.

отвлечь силы националистов от Сантадера. Ключом от Сарагосы и был район Бельчите-Кинто-де-Эбро, превращенный франкистами в укрепленный район. Ими были вырыты окопы общей протяженностью около 500 м, а также оборудованы бетонные блиндажи с бойницами.

Район Кинто-де-Эбро защищали около 1,5 тыс. франкистов. Это были части 17-го пехотного Арагонского полка. На вершине горы между шоссе с прилегающими отметками высоты дислоцировалась 2-я рота терсио Дона Мария де Молина и Марко Белло — неподалеку от кладбища и церкви. Две батареи артиллерии составляли мобильный стратегический резерв. Одно отделение минометов расположилось в районе железной дороги. Фалангисты 5-й бандеры несли охрану берегов р. Эбро, близлежащих виноградников и других опорных пунктов. Позже в окопы были отправлены чины гражданской гвардии.

На штурм Кинто-де-Эбро республиканское командование направило 15-ю интернациональную бригаду под командой подполковника Владимира Корпича, состоявшую из батальонов: английского, американского «Авраам Линкольн», балканского «Димитров» и 24-го испанского⁶³. Изначально на штурм Кинто был брошен только американский батальон. Затем ему на помощь была отправлена английская противотанковая батарея. В ходе тяжелых двухдневных боев республиканцы были вынуждены ввести в бой все части 15-й интернациональной бригады. Основная сила республиканского удара пришла на 2-ю роту карлистского рекете, оборонявшуюся в окопах. Накануне боя в роте насчитывалось 130 человек, командовал ротой капитан Риварис, пулеметным взводом командовал лейтенант рекете Я.Т. Полухин, при нем также находился лейтенант рекете А.В. Фок. В течение 24 августа 1937 г. рота Ривариса отразила две атаки республиканцев, в ходе боя карлистам удалось повредить несколько советских танков. Позиции карлистов бомбили 5 республиканских (советских) бомбардировщиков⁶⁴. К сумеркам в строю роты осталось лишь 12 человек, они были вынуждены отойти в само местечко Кинто-де-Эбро. Все тяжелораненые были укрыты в церкви селения, сюда же был перенесен тяжело раненный в шею лейтенант рекете Полухин. 25 августа остатки националистов были окружены в Кинто.

26 августа республиканцы, подгоняемые комиссарами своих частей, пошли на последний штурм Кинто-де-Эбро. После вступления республиканцев в селение начались рукопашные бои за дома. Для скорейшего подавления сопротивления республиканцы закидывали дома гранатами. К вечеру последние защитники местечка засели в церкви селения. Огонь республиканских орудий сосредоточился на церкви, но, вопреки всем ожиданиям, ее стены оказались крепки. Тогда из американского батальона была образована ударная группа из 10 человек во главе с Карлом Бредли. Группа была вооружена гранатами и нитроглицериновыми бомбами. Группа ползком приблизилась к церкви и затем бросилась на штурм. Одним из последних защитников церкви был генерал-майор Русской армии и лейтенант рекете А.В. Фок. По словам одного из американцев, Фок встретил их появ-

⁶³ См.: *Bradley K. The International brigades in Spain 1936–1939. L., 1994. P. 29.*

⁶⁴ См.: *Кольцов. М.Е. Испанский дневник. С. 567.*

ление криком «Красные свиньи!». Не желая сдаваться врагу, последнюю пулю из своего пистолета Фок выпустил себе в висок⁶⁵. На трупе погибшего американцы обнаружили Евангелие и русскую офицерскую шашку, советскому журналисту М.Е. Кольцову достались документы Фока.

Своими действиями 2-я рота терсио Дона Мария де Молина на два дня задержала 15-ю интернациональную бригаду, и лишь 27 августа 1937 г. ее потрепанные части смогли отправиться на штурм следующего городка — Фуэнтес-де-Эбро. Действия карлистов были высоко оценены командованием националистов, рота получила коллективную награду — так называемую лауреду креста Сан-Фернандо за защиту Кинто-де-Эбро. Таким образом, кавалерами этой награды посмертно стали и русские добровольцы. После арагонской операции терсио Дона Мария де Молина было выведено с фронта и отправлено в тыл для пополнения. В дальнейшем терсио не принимало участия в крупных фронтовых операциях, а использовалось для охраны позиций. Добровольцы получили время на отдых. Во Франции же над РОВСом опять стали сгущаться тучи. 18 сентября 1937 г. в Париже состоялись торжества, посвященные 20-летию Корниловского полка. Торжества прошли с большой помпой, на них присутствовал весь цвет русской военной эмиграции. С речью выступил глава РОВСа генерал Миллер. В центре события был Скоблин; общественность смогла увидеть его примирение с генералом Миллером и способность сплотить русскую военную эмиграцию⁶⁶.

Днем 22 сентября 1937 г. генерал Миллер по приглашению Скоблина отправился на встречу с немецкими офицерами. Уходя на эту встречу, он оставил записку в запечатанном конверте генералу Кусонскому. В записке Миллер рассказывал, что отправляется на встречу с немцами вместе со Скоблиным. С этой встречи генерал Миллер не вернулся. Он был захвачен советскими агентами и вывезен на пароходе в СССР.

Розыски Миллера начались после 20 часов 22 сентября 1937 г. Ближе к полуночи генерал Кусонский распечатал конверт и прочел записку Миллера. Содержание записки сделало Скоблина главным подозреваемым, и поэтому генерал Кусонский и адмирал Кедров вызвали его в канцелярию РОВСа. Скоблин, не подозревая о существовании записки Миллера, смело отправился на улицу Колизей, где находилась канцелярия союза. Ответив на вопросы Кедрова и Кусонского, Скоблин собрался идти вместе с ними в полицию и заявить об исчезновении Миллера. Однако, воспользовавшись замешательством присутствовавших, он незаметно вышел из канцелярии и бежал. Отсутствие предателя было обнаружено Кусонским и Кедровым только на улице.

Французская полиция начала розыск генералов Миллера и Скоблина, но все было тщетно. Похищенный Миллер на борту советского судна «Мария Ульянова» плыл в СССР, а Скоблин с помощью советских спецслужб скрывался в Париже. Позже генерал Скоблин с помощью резидента советской разведки в Испании Орлова перебрался в Мадрид, воспользовавшись нанятым специально для него

---

⁶⁵ См.: Eby C. *Voluntarios norteamericanos en la Guerra Civil Espanola*. Barcelona, 1974. P. 224.

⁶⁶ См.: Голдин В.И. *Солдаты на чужбине...* С. 327.

самолетом. В руки французского правосудия попала лишь Надежда Плевицкая, пытавшаяся обеспечить алиби своего мужа.

Преемником генерала Миллера на посту руководителя РОВСа стал генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов. Как и предыдущий глава союза, Абрамов решительно выступал за помощь армии Франко, но начавшийся новый внутренний кризис в союзе уже не позволил русской военной эмиграции продолжать активно и организованно участвовать в испанских событиях.

В конце 1937 г. в преддверии 200-го, юбилейного номера «Часового» его редакция в ответ на многочисленные поздравительные письма обратилась к читателям с просьбой переводить деньги на «цель особенно дорогую нашему журналу, в Фонд Русских Воинов, сражающихся в рядах армии генерала Франко». Уже в начале января 1938 г. в этот фонд поступила сумма, эквивалентная 7 тыс. бельгийских франков⁶⁷.

К 18 мая 1938 г. численность Русского отряда в терсио увеличилась до 35 человек⁶⁸. В конце 1938 г. командованием отряда обсуждался вопрос о развертывании Русского отряда в Русско-украинский, но русские добровольцы категорически от этого отказались. В середине февраля 1939 г. русские добровольцы использовались для охраны горы Пенья Салада, а затем были отправлены в район Пенья Дьябло. 3 мая 1939 г. Русский отряд терсио Дона Мария де Молина принял участие в параде победы в Валенсии. В конце октября 1939 г. чины отряда были приняты героем гражданской войны генералом Москардо, а спустя несколько дней — и самим Франсиско Франко.

Еще одна заметная группа русских добровольцев (5 человек) служила в рядах терсио «Де Наварра». Это терсио было придано 11-й пехотной дивизии и участвовало в боях в Экстремадуре. Особенно терсио отличилось в августе 1937 г. у местечка Азутан, и затем — в начале января 1939 г. — у местечка Монтерубио⁶⁹.

Однако самая многочисленная, но и самая малоизученная группа русских добровольцев находилась в рядах Иностранного легиона. Вопреки первоначальным планам, функционерам РОВСа не удалось собрать эмигрантов внутри легиона в одно подразделение — русские были распылены по всем бандерам легиона. Лишь по счастливой случайности среди этих сорвиголов оказалось и несколько корреспондентов «Часового», которые оставили красочные воспоминания о службе в рядах легиона.

Русские эмигранты сражались за Франко не только на полях Испании, но и в ее небе. На момент начала национального восстания в военной авиации Испании служило двое белоэмигрантов. Они оба вступили в Испанский иностранный легион еще в 1922 г. Первый из них, Михаил Андреевич Крыгин, в годы войны оказался на стороне республиканцев, другой — Николай Александрович Рагозин — на стороне националистов. После 1923 г. он служил в эскадрилье, которой командовал брат будущего диктатора Испании — Рамон Франко. Видимо, по этой при-

⁶⁷ См.: Орехов В.В. От всего сердца... // Часовой. Брюссель. 1938. № 204. С. 2.

⁶⁸ См.: Яремчук А.П. Русские добровольцы в Испании. С. 81.

⁶⁹ См.: ЦМВС. ДФ. 4/47 762/1. Л. 3.

чине русский летчик был лично известен Франсиско Франко и пользовался его доверием. В начале восстания генерал сказал Рагозину: «Очень рад видеть Вас здесь». Еще накануне восстания по поручению Франко Рагозин доставил в Марокко секретный пакет с Канарских островов⁷⁰. В годы гражданской войны в Испании Н.А. Рагозин воевал на различных участках фронта, некоторое время служил даже в составе итальянской эскадрильи.

Еще один русский летчик-легионер, Всеволод Михайлович Марченко, к началу испанской гражданской войны уже был в отставке и служил начальником аэропорта в городке Барайс. Восстание застало его в Мадриде. Чудом избежав гибели, он сумел выбраться из города и бежать во Францию. Из Франции он пробрался на территорию, подконтрольную националистам, и вступил в авиацию восставших. Он участвовал в ночных полетах, снабжении по воздуху осажденных гарнизонов националистов, неоднократно бомбил республиканскую территорию. Вечером 14 сентября 1937 г. самолет Марченко отправился на очередное задание — бомбить республиканский аэродром у городка Альканьис. В ходе этой акции его самолет был подбит, а сам он погиб. Особый трагизм этой ситуации придает то, что он, вероятно, был сбит советским летчиком Иваном Трофимовичем Еременко⁷¹. В авиацию националистов вступили и сыновья русских летчиков — Александр Рагозин и Игорь Марченко. О службе пятого русского летчика-добровольца в авиации Франко — Николая Степановича Воеводского — имеются крайне скудные сведения⁷².

В 1937 г. в республиканской армии уже находилось около 500 советских летчиков и военспецов, неизвестное число эмигрантов и значительное количество активистов левых организаций Европы; последние часто были хорошо знакомы с русским языком. Националисты решили воспользоваться этим и начать антиреспубликанскую пропаганду среди русскоязычных бойцов республиканской армии. Осенью 1937 г. штаб-квартира Франко организовала пропагандистские радиопередачи на русском языке. Передачи выходили в эфир один раз в неделю, в четверг, в 21.30 на волне Саламанка 238,5. В качестве диктора привлекли к работе главного редактора журнала «Часовой» В.В. Орехова, в это время находившегося в Испании и лично знакомого с Франко. В обращении к красноармейцам содержались следующие строки: «Советская власть посылает ныне красноармейцев в Испанию на защиту сил III Интернационала. Это новое преступление власти имеет своей задачей отвлечь внимание Красной Армии от ее истинных целей на родной земле...»⁷³ После отъезда Орехова из Испании русским диктором стал А.П. Ергин. Интересно заметить, что по окончании гражданской войны этот почин не заглох и русские передачи продолжались еще долгое время. Помимо радиопропаганды, с помощью эмигрантов составлялись и печатались пропагандистские листовки.

---

⁷⁰ См.: Рагозин Н.А. Рука провидения // Морские записки. Нью-Йорк. 1954. № 3. С. 34.

⁷¹ См.: Кузнецов Н.А. Русский флот на чужбине. М., 2009. С. 338.

⁷² См. о нем: Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов. М., 2006. С. 62–63.

⁷³ Орехов В.В. Радио-передачи в Белой Испании // Часовой. Брюссель. 1938. № 206. С. 7.

Совокупный вклад белоэмигрантов в победу Франко и его значение будут рассмотрены нами ниже, а сейчас остановимся на численности и потерях русских добровольцев в рядах националистов. Ранее общепринятая цифра в 72 человека на сегодняшний день представляется явно заниженной. В основу этого утверждения ложится в первую очередь публикация М.Е. Кольцова в советской газете, содержащая список из 128 фамилий русских добровольцев в армии Франко⁷⁴. В испанских архивах были обнаружены новые сведения о службе 12 русских добровольцев в составе Итальянского корпуса добровольческих войск⁷⁵. В фондах отечественных архивов была найдена информация о создании двух отрядов из русских эмигрантов в Германии для отправки в Испанию и об их беспрепятственном переходе испанской границы⁷⁶. Таким образом, мы можем оценить примерное количество русских эмигрантов в армии Франко в 150–170 человек (в настоящий момент автором поименно установлены 110 человек). Из этого числа около 50 добровольцев были убиты, многие ранены один и более раз.

ЭМИГРАНТЫ НА ДРУГОЙ СТОРОНЕ

Проследить участие русских эмигрантов в войне на стороне испанских республиканцев значительно сложнее по целому ряду обстоятельств. Изначально руководство Союза возвращения на родину и советские спецслужбы планировали создание из эмигрантов особого диверсионного подразделения под командованием А. Иванова, но этот план так и не был осуществлен⁷⁷. В отличие от национальной армии, республиканцы не организовали подразделение из русских эмигрантов, хотя в работе французского историка Бразильяка мы и находим упоминание о казачьей сотне, созданной из эмигрантов при одной из интернациональных бригад, а у советского военспеца А.А. Ветрова — о «стрелковом подразделении интербригады, составленном из русских эмигрантов во Франции»⁷⁸. Однако данные утверждения опровергаются как самими эмигрантами, так и простой логикой. Эмигранты-республиканцы не стремились создать собственную часть, так как считали себя не русскими, а советскими гражданами, чье участие в этой войне не должно было афишироваться.

По этой причине русские эмигранты были разбросаны по различным республиканским частям. Наибольшее их количество, без сомнения, находилось в рядах интернациональных бригад. Большинство добровольцев, вступивших в республиканскую армию, были членами Союза возвращения на родину, являвшегося филиалом Французской коммунистической партии и советского НКВД. Среди

⁷⁴ См.: *Яремчук А.П.* Русские добровольцы в Испании. С. 51.

⁷⁵ См.: *Keene J.* Fighting for Franco: International Volunteers in Nationalist Spain during the Spanish Civil War, 1936–1939. L., 2001. P. 210.

⁷⁶ См.: Российский государственный военный архив. Ф. 33897. Оп. 3. Д. 870. Л. 29.

⁷⁷ См.: *Эйснер А.В.* Двенадцатая интернациональная. М., 1990. С. 157.

⁷⁸ *Ветров А.А.* Волонтеры свободы: Воспоминания участника национально-революционной войны в Испании. М., 1972. С. 111.

эмигрантов-республиканцев было немного бывших кадровых офицеров императорской и белых армий, а преобладали в основном молодые люди (среди них был даже сын Бориса Савинкова — Лев Савинков), родившиеся или выросшие уже за пределами России. Благодаря прекрасному воспитанию многие из них владели различными иностранными языками и выполняли функции переводчиков при общении советских военспецов с испанцами и иностранными добровольцами. Существует и информация о бывших чинах Русского экспедиционного корпуса во Франции, служивших в составе интербригад⁷⁹.

Среди русских эмигрантов, прибывших в Испанию, было много идеалистов, но были и откровенные авантюристы, а также обыкновенные наемники. К примеру, шесть летчиков-белоэмигрантов вступили в республиканскую эскадрилью «Эспанья», сформированную известным французским писателем Андрэ Мальро из европейских наемников. Зарплата этих авиаторов составляла 50 тыс. французских франков в месяц⁸⁰, в то время как русские добровольцы на офицерских должностях в Иностранном легионе получали всего лишь 1,2 тыс. испанских песет (около 1,8 тыс. французских франков по тогдашнему курсу) в месяц⁸¹. Одним из русских летчиков-эмигрантов, вступивших в эту эскадрилью, был и бывший капитан-белогвардеец Анатолий Иванов.

Среди русских эмигрантов-республиканцев наиболее идейными были члены Союза возвращения на родину, отправлявшиеся в Испанию бороться с фашизмом. «Беспартийные» эмигранты, вступая в республиканскую армию, надеялись своей доблестью заслужить право возвращения на родину — в СССР. Причем это отмечали даже иностранные журналисты-современники, писавшие об Испании⁸². Еще одну интересную деталь облика эмигрантов-республиканцев отмечают как советские, так и эмигрантские источники. Речь идет о глубоком внутреннем надломе, произошедшем в душе этих эмигрантов. Примирившись в душе с советской властью, они желали лишь одного — возвращения на родину. Однако большая часть русской эмиграции не поняла трагедии этих людей и считала их предателями и изгоями.

Эмигранты, желающие сражаться за республику, могли добраться в Испанию как индивидуально, так и в составе организованных групп. Тем, кто отправлялся в составе групп, приходилось пройти проверку на благонадежность — представить рекомендации от членов Французской компартии или пройти собеседование с функционерами Союза возвращения на родину. Однако французское правительство не чинило препятствий добровольцам, отправлявшимся на защиту испанской республики. Их отправка проходила абсолютно легально и с большим размахом: для добровольцев бронировались пароходы и целые поезда. Так, небольшая группа русских эмигрантов в октябре 1936 г. отправилась в Испанию на поезде вместе с другими иностранными добровольцами⁸³.

---

⁷⁹ См.: Телицын В.Л. «Пиренеи» в огне: Гражданская война в Испании и советские «добровольцы». М., 2003. С. 284.

⁸⁰ См.: Платошкин Н.Н. Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. М., 2005. С. 182.

⁸¹ См.: ГА РФ. Ф. 9116. Оп. 1. Д. 6. Л. 70.

⁸² См.: Watson K.S. Single to Spain. L., 1937. P. 104.

⁸³ См.: Томас Х. Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг. М., 2003. С. 278.

Не имея возможности проследить судьбу всех эмигрантов в войне на стороне республики, ограничимся рассмотрением участия в ней самых известных и одиозных личностей. Начнем с уже упоминаемого нами Николая Владимировича Скоблина. Бежав в Испанию с помощью советской разведки, он вместе со своими новыми товарищами участвовал в создании республиканских партизанских отрядов и даже принимал непосредственное участие в некоторых диверсионных операциях в Каталонии и Валенсии. В 1938 г. при бомбардировке Барселоны авиацией националистов Скоблин погиб⁸⁴.

В испанские события оказался вовлечен и один из руководителей Корпуса Императорской армии и флота (КИАФ). Полковник П.П. Дьяконов, произведенный в генералы по КИАФу, являлся начальником парижского округа этой организации и по совместительству платным агентом ГПУ с 1922 г.⁸⁵. В начале 1930-х гг. генерала Дьяконова стали подозревать в связях с советской разведкой. После похищения советскими агентами генерала А.П. Кутепова в адрес Дьяконова прозвучали новые обвинения. Генерал отказался от должности начальника округа КИАФ и на какое-то время канул в неизвестность.

В марте 1937 г. Дьяконов объявился в Испании. Разъезжая в машине советского посла, он посещал линию фронта у Мадрида и Арагона. В республиканской Испании он был аккредитован в качестве военного корреспондента, а на деле — выполнял задания советских спецслужб. В Испании Дьяконов находился до самого конца Гражданской войны, а вернувшись во Францию — даже не скрывал, что был на стороне республики. После оккупации Франции Германией в 1940 г. Дьяконов был арестован немцами, а затем передан советским властям. Скончался П.П. Дьяконов в СССР в 1943 г.

Третьим генералом-эмигрантом, служившим в армии республики, был Андрей Васильевич Есимонтовский. В годы Первой мировой войны он был офицером императорской гвардии, а Гражданскую войну в России закончил в чине генерал-майора, командира Гвардейской дивизии армии Врангеля. В эмиграции генерал Есимонтовский активно участвовал в деятельности различных монархических организаций и не был замечен в связях с советской разведкой. Поэтому для многих эмигрантов служба Есимонтовского в республиканской армии стала неожиданностью. Он прибыл в Испанию осенью 1936 г., сначала служил наблюдателем при штабе 35-й дивизии, затем стал начальником обоза. При его непосредственном участии была организована дивизионная школа. Зимой 1937 г. он тяжело заболел туберкулезом и вскоре умер⁸⁶.

Более заметную роль в республиканской армии играл полковник Владимир Константинович Глиноедский. Еще до войны он вступил во Французскую коммунистическую партию. Прибыв в Барселону летом 1936 г. и взяв испанский псевдоним Хулио Хименес Орхе, он стал одним из организаторов Арагонского фрон-

⁸⁴ См.: Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 45.

⁸⁵ См.: Прянишников Б.В. Незримая паутина. С. 243.

⁸⁶ См.: Сверчевская А., Сверчевская З., Сверчевская М. Солдат трех армий: Кароль Сверчевский. Рассказ об отце. М., 1993. С. 48.

та и позже стал начальником артиллерии фронта и членом военного совета республики. 27 декабря 1936 г., находясь с инспекционной поездкой на передовой, полковник Орхе попытался своим примером поднять в атаку республиканскую пехоту, но был убит⁸⁷. Республиканцы похоронили убитого с почестями в Барселоне.

Трагичной оказалась судьба уже упомянутого нами русского летчика Михаила Андреевич Крыгина. Вступив в Испанский иностранный легион вместе со своими коллегами В.М. Марченко и Н.А. Рагозиным (см. о них выше), он участвовал в войне в Марокко. Национальное восстание застало его на Мальорке. Он выполнил приказ республиканского командования и прибыл в Альказар. По ряду сведений, опасаясь за жизнь своей матери, оставшейся в СССР, и супруги, оставшейся на Мальорке, он верой и правдой служил республиканцам⁸⁸. Находясь в Альказаре, он в 1937–1938 гг. являлся начальником штаба эскадрильи, которой командовал советский военспец А.И. Гусев. По сведениям испанских историков, республиканцы не давали летать Крыгину, опасаясь, что он перелетит на сторону националистов, но, судя по воспоминаниям Гусева, благонадежность Крыгина не вызывала у него сомнений. По окончании войны Крыгин вместе с женой переехал во Францию, где нашли приют многие уцелевшие республиканцы.

В несколько ином свете эмигранты-республиканцы предстают перед нами в воспоминаниях одного из советских военспецов — А.И. Родимцева⁸⁹. Он упоминает военного советника кавалерийского эскадрона дивизии Листера — капитана Андрея Савченко. Со слов Родимцева, последний прибыл в Испанию по заданию лидеров военной эмиграции с целью «нейтрализовать лучших испанских командиров, комиссаров и советских добровольцев-советников»⁹⁰. После ареста выяснилось, что под фамилией Савченко скрывался есаул Уральского казачьего войска Скрыпник (у Родимцева — барон Скрыпник). После ареста и допроса Скрыпник был расстрелян.

С эмигрантами-республиканцами случались и курьезные случаи. Один из них связан с капитаном Карчевским, служившим комендантом штаба 14-й интернациональной бригады. В годы Гражданской войны в России он был петлюровским офицером, затем оказался в эмиграции во Франции. Вступив в интербригаду с целью «кровью искупить вину перед родиной», он последовательно командовал взводом, батальоном, позже был назначен комендантом штаба бригады, а затем и 35-й дивизии армии республики⁹¹. Этот вполне идейный борец с фашизмом отличился при нападении на тыл дивизии марокканской кавалерии. Собрав весь штабной персонал, включая поваров и нестроевых, он с двумя пулеметами занял позицию. Подпустив кавалерию на близкое расстояние, люди Карчевского открыли огонь. Марокканцы были обращены в бегство. На следующий день из Мадрида для выяснения всех обстоятельств дела прибыл советский военспец и попро-

---

⁸⁷ См.: Между Россией и Сталиным... С. 126.

⁸⁸ См.: *Mesa de J. Los otros internacionales*. S. 101.

⁸⁹ См.: *Родимцев А.И.* Под небом Испании. М., 1968. С. 116–119, 156.

⁹⁰ Там же. С. 157.

⁹¹ См.: *Кардин В.* Сколько длится полвека? М., 1977. С. 194–195.

сил рассказать Карчевского о победе. Он рассказал ему следующее: «Я собрал всех, а как только занял позицию, смотрю... идут большевики, так я по ним...»⁹²

Определение точного количества эмигрантов-добровольцев, прибывших на помощь республике, также сопряжено с трудностями. В настоящее время среди историков принято оперировать явно завышенным количеством эмигрантов в армии республики. Впервые эта тенденция проявилась в воспоминаниях советских военспецов. Так, А.А. Ветров в своих воспоминаниях рассказывает нам о том, что «в республиканской армии сражались сотни русских эмигрантов»⁹³. Позже, приняв воспоминания советских военспецов за основу, некоторые отечественные авторы увеличили количество эмигрантов в республиканской армии до тысячи человек⁹⁴. Для установления истинного числа эмигрантов-республиканцев вновь обратимся к архивным документам.

В аналитической справке штаба интернациональных бригад от 1 мая 1938 г. говорится о наличии лишь 80 русских эмигрантов в составе интернациональных бригад на тот момент⁹⁵. Этот же документ указывает и общее число русских эмигрантов, прошедших через интернациональные бригады в период с июля 1936 г. по апрель 1938 г. включительно, — всего 340 человек. При этом в число русских добровольцев были включены еврейские волонтеры из Палестины, а также польские и украинские добровольцы. Вероятно, знание русского языка вышеуказанными группами лиц и стало причиной для записи их в категорию русских добровольцев. Благодаря фундаментальному исследованию израильского историка Мартина Сугармана удалось установить, что в число русских эмигрантов было включено 53 добровольца еврейской национальности, родившихся на территории Российской империи и СССР. Впрочем, он сообщает, что это далеко не полное число добровольцев; в настоящее время исследователь продолжает свои поиски⁹⁶. Таким образом, отняв последнее число от общего числа русскоговорящих добровольцев, мы получим 287 человек, что также является далеко не точной цифрой.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

1 апреля 1939 г. окончилась гражданская война в Испании. Националисты одержали решительную победу. На карте Европы появилось еще одно государство с профашистским режимом. Каков же вклад русской эмиграции в эту кровавую братоубийственную войну? Попытаемся рассмотреть его военные и морально-нравственные аспекты.

Безусловно, мы не можем утверждать, что участие наших соотечественников коренным образом изменило ход войны. Небольшое количество участников (по

⁹² Сверчевская А., Сверчевская З., Сверчевская М. Солдат трех армий... С. 49.

⁹³ Ветров А.А. Добровольцы Свободы // Вопросы истории. 1972. № 4. С. 111.

⁹⁴ См.: Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. С. 206.

⁹⁵ См.: Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 545. Оп. 2. Д. 108. Л. 69.

⁹⁶ См.: Sугарман М. Jews who served in Spanish Civil war. Jerusalem, S. a. P. 2.

нашему мнению, не более 500 с обеих сторон) не дает нам права утверждать обратное. Русские добровольцы глубоко переживали факт, что лишь немногие из эмигрантов смогли принять участие в войне. Со слов А.П. Яремчука, они «ругали русскую эмиграцию, которая из двух миллионов состава выделила так мало добровольцев для борьбы с врагом»⁹⁷. Но на это были и объективные причины. Многолетнее изгнание плачевно отразилось на материальном благосостоянии изгнанников. Зачастую в Испанию они отправлялись на последние сбережения; другие, несмотря на свое желание отправиться на войну, были вынуждены заботиться о своих семьях.

Говоря о вкладе эмигрантов в военные усилия сторон, необходимо помнить, что обе враждующие стороны остро нуждались в военных специалистах, и потому услуги эмигрантов, обычно имевших военный опыт, были очень востребованы. На стороне Франко сражалось большее количество кадровых офицеров; их знания, выправка и боевой опыт нашли признание у националистов. Не раз их офицеры говорили подчиненным: «Равняйтесь на русских — они старые солдаты». Кроме того, офицеры-националисты видели в русских добровольцах своих коллег. При этом ни один из эмигрантов в армии националистов в годы Гражданской войны не смог подняться в звании выше лейтенанта легиона или рекете и не командовал каким-либо отдельным подразделением. Однако именно русские эмигранты заслужили в армии Франко наилучшую боевую репутацию из всех иностранных добровольцев, а Русский отряд продолжал находиться в армии националистов даже после вывода других иностранных частей. Офицеры-эмигранты в республиканской армии, наоборот, смогли выдвинуться на ряд важных постов, но большинство из них все же выполняли функции переводчиков. Но где бы ни служили русские эмигранты — в штабе или на фронте, в республиканской армии или в армии националистов, — они везде честно и храбро выполняли свой долг, о чем свидетельствует длинный список погибших и воспоминания современников.

Оценить морально-нравственное значение участия русских эмигрантов в Гражданской войне гораздо сложнее. В первую очередь это связано с пониманием того, какие цели ставили перед собой участники событий. Добровольцы в армии националистов продемонстрировали готовность активной части (т. е. «пораженцев») военной эмиграции продолжить борьбу с коммунизмом, подтвердили свою способность участвовать в современных войнах, доказали что за 16 лет изгнания русские офицеры не утратили лучших своих качеств — любви к далекой родине, храбрости и чувства долга. Кроме того, присутствие в армии Франко русских добровольцев вызвало большой резонанс. Испанцы, да и представители других стран убедились, что «Россия — это не СССР, как это все почти здесь считали до их прибытия, и что русский и коммунист — не одно и то же!»⁹⁸. Можно также сказать, что участие добровольцев на стороне Франко стало первым опытом военного сотрудничества русской эмиграции с державами оси Берлин — Рим.

---

⁹⁷ Цит. по: Яремчук А.П. Русские добровольцы в Испании. С. 8.

⁹⁸ Цит. по: Между Россией и Сталиным... С. 126.

Цели, которые ставили перед собой эмигранты-республиканцы, на наш взгляд, достигнуты не были. Многие из них, участвуя в войне, надеялись тем самым заслужить прощение у советской власти и получить право вернуться на родину. По окончании войны лишь немногие эмигранты смогли вернуться в СССР. По сути, репатриированы были лишь те эмигранты, кто представлял интерес для советских спецслужб, но им по возвращении была уготована страшная участь, ведь их возвращение совпало с пиком репрессий в СССР. При этом нельзя отрицать безусловной ценности участия некоторой части русской эмиграции в международной антифашистской борьбе, что стало предпосылкой к участию эмигрантов в движении Сопротивления в годы Второй мировой войны.